

В состязании по музыке, одном из шести искусств благородного мужа, Третий принц вновь уступил Сыма Цзюньюаню. Исход этого поединка стал полной неожиданностью для окружающих, ведь в обществе давно укоренилось мнение, что в столь важных состязаниях проигравший неизбежно испытает досаду или гнев. Однако поведение Третьего принца было совершенно иным: на его лице не появилось и тени раздражения — напротив, он смотрел на Сыма Цзюньюаня с явным восхищением. Такое особое отношение не могло не привлечь внимания присутствующих.

На самом деле, в роскошном особняке Третьего принца постоянно жили и творили многие искусные музыканты. Сам он был до такой степени одержим музыкой, что проводил за занятиями почти всё свободное время. Однако в глазах Императора Чэнь Сюаньгуана музыкальное искусство было лишь пустяковым, недостойным внимания баловством, поэтому он никогда не придавал увлечению сына ни малейшего значения.

Если вспомнить прошлое, то титулом князя Третий принц был обязан драматичному событию. Однажды во дворце произошло дерзкое покушение, и жизнь Наследного принца висела на волоске. Третий принц, будучи гораздо старше, в тот критический момент без колебаний схватил брата за руку и спрятал его в укромном шкафу. Только благодаря этому решительному поступку им удалось спастись. В награду за спасение брата Император Чэнь Сюаньгуан пожаловал ему титул князя. Правда, с тех пор минуло много лет, но Третий принц так и не получил официального пожалования. Впрочем, он относился к этому философски: статус князя позволял ему исправно получать жалованье и богатые подарки по праздникам. А если крепко держаться за Наследного принца, который в будущем непременно взойдет на престол, то можно жить припеваючи. О других почестях он особенно не заботился.

В этот раз, услышав давно забытую мелодию Ломающаяся ива, Третий принц пришел в восторг. Не сдержав эмоций, он похлопал Сыма Цзюньюаня по плечу и воскликнул:

— Ну и молодец! Твое мастерство воистину поражает, я искренне восхищен. Отныне нам следует видаться чаще. У меня в коллекции хранится множество редких нотных записей великих мастеров, я с радостью готов обсудить их с тобой.

Сделав небольшую паузу, Третий принц добавил:

— Если исполнить Ломающуюся иву на старинном гуцине, она прозвучит еще тоньше и проникновеннее. Ты сегодня стал обладателем легендарного инструмента Раолян, не сыграешь ли для всех нас?

Наставник Су, услышав это, тоже просиял: в его глазах читалось нетерпеливое ожидание вновь услышать игру Сыма Цзюньюаня.

В этот момент взгляд Наследного принца Чэнь Гу упал на руку, лежавшую на плече Сыма Цзюньюаня, и в его глазах промелькнуло явное неудовольствие — эта рука показалась ему невыносимо лишней. Солнце уже садилось, и сгущались сумерки. Чэнь Гу воспользовался моментом и предложил:

— Господа, уже поздно. Предлагаю переместиться во Дворец Наследного принца. Там для вас уже приготовлены вино и яства, а здесь, на ипподроме, нет ни подходящего стола для гуциня, ни надлежащих условий — боюсь, это лишь испортит впечатление от музыки.

Присутствовавшие аристократы, люди проницательные и умеющие читать обстановку, поспешили откланяться. Те же, кто имел право сопровождать принца, отправились вслед за ним. Наставник Су, Сыма Цзюньюань и Третий принц вернулись во дворец, где в теплой и веселой атмосфере продолжили беседы о музыке и ритуалах.

После нескольких чарок вина Сыма Цзюньюань проявил щедрость и подарил ноты Ломающейся ивы Наставнику Су. Тот обрадовался так искренне, как ребенок, и его радость была столь заразительна, что окружающие невольно улыбались. Третий принц почувствовал укол зависти, но знал меру: просить о чем-то подобном самому было неудобно, ведь для клана Сыма это была реликвия, а настаивать на подарке — значило уронить собственное достоинство. Вскоре Третий принц и Наставник Су покинули Дворец Наследного принца.

Когда гости разошлись, Сыма Цзюньюань и Чэнь Гу вместе прогуливались по саду. Сын клана Сыма, полный благодарности, искренне произнес:

— Ваше Высочество, я глубоко признателен вам за помощь в возвращении нашей семейной реликвии. С момента нашей первой встречи вы неизменно проявляете ко мне доброту и оказываете всяческую поддержку. Я не глуп и прекрасно понимаю, что на ипподроме вы намеренно помогли мне выйти из затруднительного положения, а этот инструмент — ваш подарок. Позвольте мне еще раз заверить вас: клан Сыма предан государству и императорскому дому. Раз уж я удостоился чести стать компаньоном Наследного принца, я буду служить вам верой и правдой, заботясь о благе народа и страны.

Он с надеждой посмотрел на принца, ожидая увидеть на его лице доверие.

Лунный свет, подобно воде, мягко лег на плечи Чэнь Гу, окутав его серебристой дымкой. В наступившей тишине их взгляды встретились, и атмосфера стала неуловимо напряженной. Сыма Цзюньюань перевел взгляд на деревья, чья листва после дождя казалась особенно яркой, и погрузился в свои мысли.

Наследный принц нарушил молчание: его голос прозвучал тихо, с ноткой неожиданной нежности:

— Братец Цзюньюань, а знаешь ли ты, что каждый раз, когда мы наедине, на душе становится так спокойно, словно весь мир с его суетой отступает на второй план?

Сердце Сыма Цзюньюаня дрогнуло. Он невольно обернулся, встретившись с пылким, глубоким взглядом принца, и тут же отвел глаза, уставившись на пруд. Капли дождя, падавшее на поверхность воды, расходились мелкими кругами. Его охватил непонятный жар, он чувствовал себя растерянным и снова попытался отвернуться, чтобы успокоиться.

Чэнь Гу спросил:

— Слышал ли ты? Вдовствующая императрица хлопочет о моей помолвке.

Сыма Цзюньюань ничего не знал об этом и, опешив, замер в недоумении. Принц продолжил:

— Братец Цзюньюань, как по-твоему, должен ли я подчиниться решению Вдовствующей императрицы?

Сыма Цзюньюань помедлил, прежде чем ответить:

— С древних времен браки — дело обычное. К тому же, на ваших плечах лежит ответственность за стабильность государства, а вопрос брака связан с продолжением рода императорской семьи.

Чэнь Гу почувствовал, как внутри словно застыл тяжелый камень, мешая дышать. Он больше не мог сдерживаться и выпалил:

— Мое сердце уже принадлежит другому, я не хочу слепо следовать чужой воле!

Осознав, что не успел признаться в чувствах, а уже почти получил отказ, он испытал острую боль. Развернувшись, он тяжелыми шагами направился прочь, в сторону Си Юаня, бросив через плечо:

— Проводите гостя.

Сыма Цзюньюань открыл рот, желая что-то сказать, но не нашел нужных слов. Вздохнув, он молча покинул Дворец Наследного принца.

По пути домой мысли Сыма Цзюньюаня вновь и вновь возвращались к словам принца о помолвке. В глубине души он чувствовал странный, непреодолимый протест против этого союза, хотя и не мог понять, что именно вызывает в нем такую тревогу. Эти запутанные мысли не давали ему покоя.

<http://bllate.org/book/21887/2273105>